

Олег Якубов

Человек за бортом

Полярная повесть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Александрович Якубов

Человек за бортом.

Полярная повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57881353

SelfPub; 2020

Аннотация

«Человек за бортом. Полярная повесть» – книга известного писателя, журналиста-международника Олега Якубова. Повесть рассказывает об одной экспедиции в Антарктиде, о том, что труд нынешних полярников, всеми забытых и заброшенных, не только лишен героического романтизма, но превратился если и не в рабский, то уж, во всяком случае, – унижительный. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	5
МЕСЯЦ ПЕРВЫЙ	8
МЕСЯЦ ВТОРОЙ	34
МЕСЯЦ ТРЕТИЙ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Впередсмотрящий смотрит лишь вперед,

Ему плевать, что человек за бортом.

Владимир Высоцкий

ПРОЛОГ

Совсем еще плохо ориентировался он в порту. К тому же туман густел с каждой минутой, и вскоре Никита вообще уже перестал понимать, куда идет. Где-то совсем поблизости перекликались короткими отрывистыми гудками пароходы, хриплый голос диспетчера орал что-то малоразборчивое, вроде бы требовал буксир переводить... Тут из тумана возник морячок. Росточка небольшого, но ладно скроенный, форменная курточка с погонами сидела на нем как влитая, и козырек «мичманки» отливал лаком, сияя даже в тумане.

– Сигареткой не угостишь, кореш? – обратился он к Никите.

Тот молча полез в карман, достал пачку сигарет, зажигалку. Морячок прикурил, благодарственно склонил голову, с видимым удовольствием затянулся. Пахло от него резким мужским одеколоном, да и водочкой явственно потягивало. Видно, он никуда особенно не торопился и не прочь был завести беседу с незнакомцем.

– Куда курс прокладываешь?

– Да вот в тумане что-то заплутал, похоже, что с курса и сбился, – в тон ответил Никита и протянул морячку пропуск.

– «Угольная бухта Большого Санкт-Петербургского порта. Ледокол „Академик Смирнов“, научно-экспедиционное

судно. Никита Максимов, врач», – подсвечивая зажигалкой, не без труда прочитал морячок. – Надо же, врач! – с уважением повторил он. – Стало быть, тебе на «морковку» надо, щас объясню...

– Какую еще «морковку»? – не понял Никита.

– Дак твой «Академик» в рыжий цвет покрашен, чтоб во льдах, значит, выделяться. Вот его «морковкой» и прозвали. Ты сейчас топай прямо, прямо, минут двадцать. Потом, когда два больших портовых крана увидишь, резко бери руль влево и там уже не ошибешься. Когда концы отдаете?

– Что?! – опешил Максимов.

– Ну ты совсем салага. Отшвартовываетесь когда, спрашиваю.

– А-а... Вроде завтра утром.

– Ну, счастливо тебе в море, врач Никита Максимов, – и протянул ему руку. – Будем, кстати, знакомы: ты Максимов, а я Максим. Максим Вдовин, третий штурман на сухогрузе. Пока – третий. Приятно познакомиться. Глядишь, еще встретимся...

Минут через сорок блужданий по порту Никита вышел все-таки к «Академику Смирнову». Причал весь был залит огнями прожекторов, погрузка шла полным ходом. Грузчики набивали контейнеры бочками, мешками, коробками, кран поднимал многотонный груз, как пушинку, без натуги, и огромные ящики зависали над палубой, потом принимались на судне кем-то, сейчас невидимым. Вот повисла над палу-

бой огромная, в инее заморозки, коровья туша и раскачивалась наверху. Неожиданно взревел пронзительный гудок с проходящего буксирчика, и Никите показалось вдруг, что это корова завизжала.

У трапа, поплеывая в воду и покуривая, переминался с ноги на ногу вахтенный с повязкой на рукаве. Максимов протянул ему направление и матросскую книжку.

– Медкомиссию прошел? – для чего-то спросил вахтенный, и тут же строже: – Почему опаздываешь?

Никита глянул на часы:

– Никуда я не опаздываю, мне велено было к двадцати трем прибыть, а сейчас еще только половина одиннадцатого.

– «Одиннадцатого», – беззлобно передразнил вахтенный. – Кто ж так говорит? Только берегаши безграмотные. Ладно, ступай себе, ищи свой кубрик. Да не забудь возле кают-компании график посмотреть, сдается, что тебя с утречка уже на вахту определили.

– Какую еще вахту? – опешил Максимов.

– Там разберешься, какую. Чего глаза-то таращишь. Ты в судовой роли? В судовой. А что это значит? А это значит, что вахты будешь нести, как и все. И с того момента, как ты на первую ступеньку трапа сейчас шагнешь, начинается твоя экспедиция. Счастливо тебе в море, полярник!

МЕСЯЦ ПЕРВЫЙ

Ночью он спал плохо. В кубрике, рассчитанном на двоих, их было четверо. Ему досталась нижняя шконка у иллюминатора, за которым плескалась морская волна. Внизу, под полом, мерно гудели могучие двигатели машинного отделения. Мелкая вибрация не убаюкивала. К тому же сосед сверху начал оглушительно храпеть, едва голову к плоской подушке приложил. Его могучий храп, источающий волну водочного перегара, прерывался только на те мгновения, когда этот огромного роста человек портил воздух – столь же оглушительно, как и храпел. Никита вспомнил читанную еще в школе книжку о похождениях бравого солдата Швейка. Там был такой персонаж, которого прозвали «пердун Еном». И этот самый Еном однажды пукнул так громко, что на комнатных настенных часах остановился маятник.

Никита вообще рос мальчишкой начитанным. Книг дома было много, и хотя преобладала литература медицинская, несколько полок на книжном стеллаже были заполнены художественной ли, в основном собраниями сочинений классиков. В неполных шесть лет он самостоятельно одолел «Остров сокровищ» и поражал сначала воспитательниц детсада, а потом школьных учителей тем, что беспрестанно цитировал «взрослые» книжки, пересказывая наизусть не отдель-

ные фразы, а целые страницы – память у него была отменная. Уже годам к десяти в его комнате появились такие книги, как «Острова, затерянные во льдах», «Полярные дневники», «Засекреченный полюс»... Он зачитывался Кавериним. Об Амундсене, Беринге, Папанине, Кренкеле рассказывал так, будто это были его близкие друзья; о последней экспедиции Скотта знал столько подробностей, словно сам дрейфовал с зимовщиками.

Школьные учителя увлечение паренька поощряли – кругозор расширяет. Да и родители не препятствовали. То, что много читает, это хорошо, а в выборе сыном специальности ни у кого из домашних и грана сомнений не возникало: в их семье испокон веку все были медиками, врачевали истово, и из рода Максимовых можно было бы заполнить штат небольшой больницы, причем нашлись бы доктора по всем медицинским специальностям.

Так оно в итоге и вышло. После школы Никита поступил в мединститут. После него окончил две ординатуры – педиатрическую и хирургическую, пойдя по стопам деда и отца, выбрал все же хирургию, стал работать в больнице. Но если по телику показывали остров Пасхи, архипелаг Шпицберген, Огненную землю либо еще какую полярную экзотику, то от экрана его оторвать не было никакой возможности.

Так и проворочался он на своей шконке, пока по громкой связи не забубнил искаженный плохим динамиком гнусавый голос: «Подъем!» Наскоро умывшись, все заспешили в столовку. Уже известно было, что полярников на борту «Академика Смирнова» больше ста человек, на пять антарктических станций полный состав. Все разом не втиснутся, так что питаться придется в несколько смен, а кому же охота последним быть. У входа в столовую уже вывесили меню на несколько дней:

СРЕДА

Завтрак: яичница с беконом, чай, масло, сахар.

Обед: щи из свежей капусты, сосиски, макароны, компот.

Ужин: щи из свежей капусты, курица, рис, компот.

ЧЕТВЕРГ

Завтрак: каша пшеничная, сыр, масло, чай, сахар, лимон.

Обед: суп с фрикадельками, поджарка свиная, греча, компот.

Полдник: творог, чай, масло, сахар.

Ужин: суп с фрикадельками, рыба жареная, картофель, компот.

ПЯТНИЦА

Завтрак: рулет мясной, чай, масло, сахар, лимон.

Обед: суп рыбный, тефтели, гарнир, компот.

Полдник: салат овощной, чай, масло, сахар.

Ужин: суп рыбный, свинина жареная, гарнир, компот.

СУББОТА

Завтрак: колбаса, каша манная, чай, масло, сахар, лимон.

Обед: чанахи, сосиски, макароны, компот.

Полдник: селедка, картофель, чай, масло, сахар.

Ужин: чанахи, шницель свиной, гарнир, компот.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Завтрак: яичница с беконом, чай, масло, сахар.

Обед: солянка мясная, макароны с мясом, компот.

Полдник: выпечка, чай, масло, сахар, фрукты.

Ужин: солянка мясная, кура, гарнир, компот.

Подписали меню шеф-повар ледокола, врач и ведущий метеоролог. По поводу последней подписи было немало шуток. Типа: а что, если погода испортится, значит, и меню изменится? А иначе какого ляда обеда и ужины метеоролог утверждает?» Меню обсуждалось живо и заинтересованно.

– Братцы, а вы заметили, компот по два раза в день, – говорил кучерявый парень, сидевший рядом с Никитой.

– Чудик ты, – перебивал его кто-то из-за соседнего стола. – Где же ты видел флот без компота, это же у них первая пища. Моряки даже не говорят, что компот пьют, он его едят.

– А суп-то, суп, один и тот же по два раза в день, – не

унимался кучерявый.

И снова слышал возражения: «Да кто же тебе по два раза в день разные супы готовить будет? Это же не ресторан!»

«Не ресторан...» Чуть ли не каждый день в экспедиции вспоминал потом Никита это меню на ледоколе «Академик Смирнов», и казалось ему, что ни одном ресторане он не ел так вкусно и сытно, как в трехмесячном переходе от Санкт-Петербурга до Антарктиды. Он, уходя из столовой, сфотографировал на свой телефон тот листочек с перечнем блюд, но на полюсе заглядывать в него старался пореже: уж больно велика была разница между корабельными деликатесами и той несъедобной бурдой, которой их кормил на станции неумеха повар, лентяй и пропойца.

«Закончить питание, занять места по вахтенному расписанию», – раздался в столовой чей-то зычный голос и поторопил никуда не спешащих полярников: побыстрее, бичи, побыстрее. Через два часа отшвартовываемся». Свою фамилию Максимов обнаружил в графе: «Разгрузка продуктов в трюме». Он-то полагал, что его вахта в медсанчасти, а тут – разгрузка. С какой, спрашивается, стати? Мимо проходил моряк с тремя золотистыми нашивками на небольших погончиках.

– Я врач, а меня тут на погрузку почему-то поставили, наверное, ошибка, – обратился к нему Максимов.

– Не знаю я ваших дел, – резко оборвал его моряк. – У вас, полярников, свое начальство, у него и спрашивай. А раз

на разгрузку поставили, давай поторапливайся, слышал же – через два часа отшвартовка. Потом выяснять будешь, врач, ети твою...

Вместе с другими отправился в трюм, где еще стояли заполненные контейнеры с мешками, ящиками, огромными упаковками продуктов в сетях. Все это предстояло из контейнеров выгрузить и закрепить в трюме. Бывалые полярники, те, кто шел в экспедицию уже не первый раз, мигом выбрали себе контейнеры с небольшими по объему и весу упаковками, салагам же, «первоходкам», достался груз габаритный, неподъемный.

Через час у него в спине уже заломило так, будто радикулит разбил. Никита осмотрелся. Рядом с ним тер спину толстенный мужик. Пот градом катил по его лицу. Кое-кто и вовсе присел на корточки, не в силах подняться. «Нет, так дело не пойдет, надорву спину, потом встать не смогу. Надо мешки вдвоем брать, сверху и снизу, тогда сподручнее будет. Двое передают, двое крепят», – решил он. Подозвав трех парней, распределил обязанности. Никто и не возражал, не спрашивал, по какому праву он тут командует. Работа и впрямь пошла легче. Да и быстрее управились со своим контейнером. Внизу, на самом дне, оставались две небольшие коробки, невесть откуда попавшие в контейнер с мешками. Никита залез вовнутрь и стал укладывать коробки одну на другую. Трое остальных из его «бригады» тут же уселись поодаль и задымили сигаретами. Видно, с палубы уви-

дели пустой контейнер. Раздалась команда «вира!» и огромный ящик с двумя распахнутыми бортами пополз вверх. Над палубой контейнер накренился и Никита заскользил по скользкому настилу вниз. Лишь каким-то чудом, уже падая, он судорожно вцепился руками в металлическую окантовку контейнера, да так и повис, чувствуя, что пальцы немеют и вот-вот разожмутся. «Полундра!» – истошно заорал кто-то. Подъем застопорился, а потом контейнер вместе с трепыхавшимся Никитой медленно пополз вниз. Ему казалось, что этот кошмар продолжался целую вечность, и когда он почувствовал под ногами твердые доски палубы, завалился набок. А пальцы по-прежнему судорожно сжимали металлическую рейку, и разжать их никак у него не получалось...

А вокруг уже продолжалась обычная работа, каждый спешил по своим делам, никому и дела не было до того, что вот прямо сейчас, у всех на глазах, мог погибнуть человек. Но не погиб же. Ну не углядел крановщик, что в контейнере салага болтался, уцелел, вот и ладушки. Лишь парень, что работал в трюме рядом с Никитой, склонился над ним, бережно, один за другим, разжал ему пальцы, участливо сказал: «Молодец, что не убился, значит, долго жить будешь. Ты на какую станцию идешь?»

– На «Пионерную», – разом севшим голосом просипел Никита.

– Вот здорово, и я на «Пионерную». Вместе будем. – Собеседник легонько пожал ему запястье – ладонь не решился,

и представился: – Будем знакомы: Саня я, Сан Саныч Богатырев, механик. А ты, я слышал, врач?

– Врач, – подтвердил Никита. – Никита Борисович Максимов, просто Никита.

– С врачами нужно дружить, – широко улыбнулся новый знакомый. – Так что будем друзьями, Никита. Не возражаешь?

«Экипажу занять места по штатному расписанию! Отдать носовые! – раздались в динамике отрывистые команды. – Свободным от вахты занять верхнюю палубу. Капитан ледокола „Академик Смирнов“, начальник рейса и экипаж поздравляют полярников с началом новой, очередной Российской Антарктической экспедиции».

Вода за кормой вскипела белой пеной. Полярники потянулись на верхнюю палубу. Все как один, не сговариваясь, надели тельняшки. Как иначе? Выходим в открытое море, потом в океан, без тельняшки никак. Несмотря на свежий морской ветер и соленые брызги, над палубой витал такой алкогольный духман, что его никаким ветром не перебьешь – большинство полярников по-своему отметили начало экспедиции. Собственно, и на палубу далеко не все способны были подняться. Некоторые «наотмечались» так, что снопа-

ми повалились на свои шконки.

Никита отошел подальше от всех. Ни с кем ему разговаривать в этот момент не хотелось. Он пытался разобраться в своих чувствах. Казалось бы, сбывается многолетняя, можно сказать, самая заветная мечта. Полюс, его Полюс, о котором он мечтал с детства, который снился ему ночами, теперь становился реальностью. Думал, подпрыгивать будет от счастья, а тут непонятная какая-то апатия, вместо радости волком выть хочется. Нет, никак он в этот момент не мог в себе разобраться.

Как точно определил это состояние поэт: «От земли освобождаясь, нелегко рубить концы», – мысленно процитировал Никита любимого Высоцкого, которого знал почти всего наизусть. Над головой проплывали причудливые пушистые облака. Одно из них зависло, преобразилось и Никита увидел... Варино лицо. Он даже зажмурился от этого наваждения, а когда открыл глаза, облако-Варя уже удалялось, растворяясь в небесной лазури.

С Варварой Чиркиной они познакомились в детской поликлинике. Никита уже был ординатором, студентка мединститута Чиркина летом подрабатывала медсестрой. Никита пытался держаться солидно, но Варя, хоть и младше на два года, сразу определила его жизненную непрактичность, и как-то так повелось, что именно она решала, когда им идти в кино, когда на пирушку к друзьям, когда за учебники садиться. Никита не возражал: хочет командовать, пусть ко-

мандует. Человек он покладистый, неконфликтный, а коли понадобится, то постоять за себя сумеет. А Варвара девушка рассудительная, можно и послушаться. Но когда заговорили о женитьбе, Никита твердо сказал, что сначала представит Варвару своим родителям, а уж потом будет знакомиться с ее мамой и отцом. Своих он не предупредил, что приедет с девушкой, но когда вошли в квартиру, явственно ощутил запах маминого фирменного гуся с яблоками, а в коридоре его приветствовали мамина сестра Лиза и глава рода Максимовых – академик Никита Борисович Максимов, дед Никиты. Варя от такого обилия людей в доме сначала вроде как растерялась, но потом решительно тряхнула головой, заплела пышные волосы в густую косу и отправилась на кухню. Там она быстренько со всеми познакомилась и в гостиную вошла уже совсем как своя, с горкой тарелок, которые тут же начала расставлять на столе. Во время обеда о молодых не было сказано ни слова. Только под конец вечера дед Никита Владимирович поднял рюмку, произнес: «За здоровье молодых», и хотя спиртного почти не употреблял, рюмку осушил до дна.

А вот с Вариными родителями, в основном с отцом, отношения у будущего зятя сразу не заладились. Приехали они на дачу, где машинист электровоза Илья Васильевич Чиркин потчевал гостя собственноручно выращенными клубникой, огурчиками да помидорчиками, укропчиком и редисочкой. Вот только когда Никита от самогона отказался, помрачнел:

«Не мужик ты, что ли, или болеешь чем?»

– Здоров, – коротко ответил Никита. – Курить курю, а пить не люблю, потому и не пью.

Илья Васильевич молча опрокинул свою стопку, хрустнул огурцом, засопел сердито. После третьей рюмки, раскрасневшись и беспрестанно вытирая лицо и шею полотенцем, принялся за молодого человека всерьез.

– И где ж ты, мил человек, с женой своей раскрасавицей жить собираешься, на какие-такие капиталы кормить-одевать-обувать будешь?

– Ну, папа! – умоляюще воскликнула Варвара.

– И вправду, отец, что ж ты так сразу-то, неловко даже, – попыталась поддержать дочь Наталья Петровна.

– А я чего, я ничего, – прикинулся простачком Илья Васильевич. – Просто знать хочу, за кого дочь свою единственную отдаю.

Свадьба была скромной, в основном родственники да несколько Никитиных друзей и Вариных однокурсниц. Молодые сразу решили, что жить будут отдельно. Сняли малюсенькую однушку в хрущобе в Черемушках. Зарабатывал Никита не густо, хотя дежурства и сверхурочные брал, какие возможно и невозможно. Плата за квартиру, коммунальные расходы в бюджете новой семьи пробивали весьма существенную брешь. Тесть, невзлюбивший зятя с первой же встречи, ел того поедом. Особенно не нравилось ему, что Никита не желал молча сносить обиды и упреки, возражал и

даже, по мнению Чиркина, нагрубить мог. А то и вовсе, не дослушает упреков, возьмет Варвару за руку и скажет: «Пошли, Варя», – а та, как собачонка, за ним бежит. Про себя Никита называл тестя «кулубника». Уж больно тот напоминал ему куркуля-дачника, которого гениально сыграл артист Папанов в фильме «Берегись автомобиля».

Работу свою Максимов любил, искренне полагал, что врач – профессия, обществу необходимая. Всякий раз, спасая чью-то жизнь на операционном столе, гордость и душевный подъем испытывал необыкновенные. Вот только государство своими медиками, похоже, не сильно гордилось. Чем иначе можно объяснить унижительные зарплаты?! Слова, конечно, о врачах говорили красивые. В День медработника и награждали, и концерт закатывали знатный. Но песни да слова, как известно, на хлеб не намажешь. И всякий раз, когда гуляя по городу, его любимая Варенька останавливалась перед витриной какого-нибудь магазина, где платье или шубка были выставлены, Никита отходил в сторонку, вроде как покурить. Уж как он только не старался, а заработать так, чтобы на жизнь хватало, чтобы не думать об этих проклятущих деньгах, ну никак не получалось.

После очередной ссоры с отцом жены Никита сказал:

– Я, Варя, решил уехать, завербоваться в экспедицию на полюс. Я уже все узнал, врачи требуются, необходимый стаж, пять лет, у меня уже есть. Поживу с полгодика в экспедиции, накоплю денег, машину купим, ипотеку возьмем на кварти-

ру. И вообще, это моя самая давняя мечта – побывать на полюсе. А теперь, когда я – хирург, вполне могу эту мечту осуществить.

– А обо мне ты подумал? Как же я тут без тебя буду? А если ребенок родится? Мы же так о ребенке мечтали...

Всю ночь она проплакала, а утром неожиданно твердо заявила: «Езжай, я тебя буду ждать, верно и преданно. А ребеночка я тебе рожу после экспедиции».

Он даже слов таких от своей Вари не ожидал. А Варвара, памятуя о непрактичности Никиты и полагая, что без нее муж не справится, сама энергично взялась за дело. Выяснила, что в Санкт-Петербурге есть Институт полюса, разыскала на его сайте анкету, вместе с Никитой села ее заполнять. Когда дошли до графы «Приемлемая для вас зарплата», посоветовала написать побольше, чтобы, значит, было куда отступать. Написали 200 тысяч в месяц и анкету отправили заказным письмом, электронный вариант не принимался. Настроились на долгое ожидание. Но тут буквально через неделю телефонный звонок из Питера: «Приезжайте. Ничего обещать не можем, желающих много, конкурс на должность хирурга полярной экспедиции – на несколько лет вперед, но в резерв вас поставим, а там видно будет».

В медицинском управлении Института полюса их принял Петр Петрович Шпинда – «главный полярный хирург», как он отрекомендовался молодым людям.

– А ты чего это с женой явился? – с напускной строгостью спросил Петр Петрович Максимова. – Ты бы еще мамку с нянькой привел.

– Я, между прочим, тоже врач, – строптиво заявила Варвара.

«Ну врач так врач, посиди, послушай», – не стал капризничать главный хирург. Он подошел к шкафу, распахнул обе дверцы и нарочито медленно стал перебирать разноцветные канцелярские папки. В правом отделении шкафа молодые люди разглядели висящий на вешалке темный пиджак, сплошь увешанный орденами и медалями. Петр Петрович перехватил их восторженный взгляд, самодовольно улыбнулся:

– А вы что же, думаете, я всю жизнь в кабинетах штаны протирал? Нет, милые мои, у меня за плечами шесть экспедиций – и на Северном, и на Южном полюсах. А награды – это высокая оценка Родины нашего медицинского труда. Потому что хирург в экспедиции – это самый что ни на есть главный человек. Почему, спросите? Да потому что не от начальника станции, не от других специалистов, а только от хи-

ругра зависят жизнь и здоровье наших героев-полярников. Именно поэтому на должность врача экспедиции берем исключительно хирургов со стажем, а вторым номером – анестезиологов. Понятное дело, приветствуется наличие общей врачебной практики и хотя бы начальные знания стоматологии. На полюсе с зубами беда просто. В основном из-за холодов, флюсы всякие, воспаления... Так что работа ответственная, потому и оплачивается высоко. А отсюда что значит? Отсюда значит – много желающих. Предпочтение отдаем самым лучшим, самым достойным. – Он протянул Максиму несколько листков бумаги. – Тут названия курсов, которые тебе надо пройти, анализы сдать всякие. На все про все где-то месяц уйдет. Все это можно сделать в Москве, не обязательно в Питере. Когда пройдешь курсы и сдашь анализы, пришлешь документы сюда. А там посмотрим, – неопределенно закончил Шпинда.

По дороге домой Никита выразил сомнение, что ему вообще удастся в ближайшие годы пробиться в штат полярной экспедиции.

– Ох, Максик, Максик, – так его любила называла Варя, – как же ты в жизни мало что понимаешь, так ничему и не учишься. Ну неужели ты не понял, что он просто страху на тебя нагонял! Вот увидишь, как только все эти дурацкие курсы пройдешь, тебя сразу зачислят.

– Почему «дурацкие»? – удивился Никита.

– Да ты сам посмотри, – Варя вынула из сумки папку с

бумагами. – Каждый курс – всего пять дней. А курсы-то какие: техника безопасности, инструктаж по обезвреживанию пиратов и прочая мура. Ну сам посуди, чему тебя за пять дней научат?

Варя как в воду глядела. Не успел Максимов отправить бумаги в Институт полюса, как тут же пришел вызов: «Срочно приезжайте».

На сей раз Петр Петрович был сух и деловит. Никакой лирики о хирургах-полярниках, ни слова о том, как Родина ценит своих героев. Начал вообще с зарплаты.

– Двести тысяч – это ты загнул. В первую экспедицию идешь, а губу раскатал, будто на пятую зимовку отправляешься. Короче, сто пятьдесят в месяц, и не вздумай возражать.

Максимов возражать и не думал. Он лишь в очередной раз восхитился своей Варенькой и ее предусмотрительностью, это же она настояла, чтоб сумму завысили. Вот и сработал ее план. Сто пятьдесят тысяч в месяц! Это же, это же... «Это же шамашедшие деньги», как говорил когда-то с эстрады Аркадий Райкин.

– Перво-наперво подпишешь сегодня договор. Экспедиция ответственная, задачи возложены на вас серьезные, поэтому за полгода управитесь навряд ли. В договоре запишем от года до двух, но, думаю, за год выполнить возложенные

на вас задачи вполне реально.

– Год?! – невольно вырвалось у Никиты.

– Что задержался? – зло усмехнулся Шпинда. – Еще в море не вышли, а ты уже обосрался.

– Ничего я не обо... не испугался, – твердо ответил Максимов. – Год так год, два так два.

– Вот это уже другой разговор. И запомни, в экспедиции нет слов «хочу» и «не хочу». Есть слово «надо»! И точка. Начальник станции велел – иди, делай. Кстати, в договоре обрати внимание на строчку: «Обязан выполнять все распоряжения начальника станции». Все! Это ясно?

– Так точно, ясно! – четко, как когда-то на военной кафедре в мединституте, ответил Никита. Хотя и не совсем понимал: это что же, начальник станции будет ему давать распоряжения, кого как лечить, как оперировать?.. Но вслух своих сомнений не высказал.

Главный хирург объяснил, что вторым номером с ним пойдет в экспедицию анестезиолог, так положено по штатному расписанию. Заглянул в какую-то папочку, уточнил: «Зубков Александр Тихонович, врач опытный, не чета тебе. Но хирург – ты, а значит, и спрос с тебя». Выяснилось, что Зубков тоже здесь сейчас, документы оформляет. Но на просьбу познакомить их Петр Петрович уклончиво ответил, что не время сейчас, в экспедиции, мол, познакомитесь. Кстати и объяснил, что на ледоколе «Академик Смирнов» пойдут полярники пяти антарктических станций. Там, в рей-

се, их государь и главный руководитель – начальник экспедиции, он же – начальник рейса. Слушать его и приказы его выполнять беспрекословно. Ну а уж на полюсе подчиняться начальнику станции.

– Пойдешь на «Пионерную». Станция одна из старейших наших в Антарктиде, еще с пятидесятих годов прошлого века работает, приоритетное направление – наука, – объяснил Петр Петрович. – Так что повезло тебе, сразу на «Пионерную» попасть. У нас опытные полярники мечтают там зимовать.

Никита слушал заворожено. Надо же! Какая, действительно, удача! Конечно, он читал, много, еще в юности, читал о легендарной советской станции «Пионерная». И вот теперь он сам, совсем уже скоро, через каких-нибудь два-три месяца окажется в этом манящем и загадочном мире вечных льдов и мужественных людей...

Из романтического транса его вывел голос Петра Петровича: «Тут, правда, одна накладочка получилась. С погрузкой затягивается. А на ледокол можно заселиться только в двадцать три ноль-ноль накануне отхода. Ты уж пока приткнись куда-нибудь, уезжать в Москву тебе резона нет – здесь дел по горло. Медикаменты, инструментарий тебе получить надо, груз упаковать, опись сделать, то да се... Так что поселись на недельку к знакомым каким, или гостиничку найди дешевую, а то комнату сними, на любом вокзале старушки толкуются, сдают задешево. Только не говори, что

полярник, а то сдерут втридорога. Потом-то, с расчета, все компенсируешь.

Комнатушку он снял в тот же день. Поехал на Московский вокзал да сразу и договорился с одной старушкой. Бабка строго предупредила, чтоб вокзальных девок не водил, в ванной и в коридоре не блевал, потребовала аванс и вручила ему ключ от входной двери. Комнатушка, куда Никита заселился, не запиралась. Первым делом, как чемодан поставил, тут же Варю позвонил. Узнав, что в договоре от года до двух срок экспедиции обозначен, Варвара расстроилась не на шутку:

– Как же так, Никита?! Мы же думали, полгода – не больше.

– Успокойся, Варюша, это так, на всякий случай договор составлен. Как только экспедиция свою работу выполнит, нам тут же пришлют замену, – пытался успокоить ее он. Но прозвучало это неубедительно...

По утрам он убежал в Институт, носился по коридорам, оформлял заявки на лекарства, медоборудование, какие-то бесконечные бумаги подписывал. Вокруг сновали озабоченные люди, но ни с кем из них не то что познакомиться, даже парой фраз перекинуться не удавалось – все были заняты своими делами. Итог всех его почти недельных хлопот Никиту обескуражил: выдали ему только лишь несколько пар допотопных деревянных костылей да носилки.

– А как же моя заявка? Где медпрепараты, где все осталь-

ное?

– Все на станции есть, от предыдущей смены осталось, – равнодушно ответил мужчина в отделе комплектации. – Да, имей в виду. Наркологические препараты закупите в Германии, ну да это не твоя забота. Начальник экспедиции сам купит и тебе под отчет вручит. – И, увидев, что Максимов собирается задавать какие-то вопросы, замахал руками: – Иди, иди, у меня и без тебя дел по горло. Потом сам во всем разберешься, – произнес он уже более мягким тоном.

За пару дней до отплытия Никита заскочил перекусить в институтскую столовку. Заколачивая ящик с медоборудованием, он утром слегка поранил правую руку и теперь, хлебая безвкусные щи, неловко орудовал ложкой левой рукой.

– Что ж вы, коллега, руки не бережете?

Возле его столика стоял седой мужчина с подносом, заполненным тарелками с едой.

– Не возражаете? – кивнул он на свободный стул и, не дожидаясь ответа, устроился напротив Максимова. Расставив на столе свой обед, произнес. – Позвольте представиться: Виктор Георгиевич Родинов. Прошу не путать, не Родинов, а именно Родинов, такая вот у меня редкая фамилия. Иду врачом на станцию «Космонавт Титов», а вы, как я по-

нял, на «Пионерную». Первая зимовка?

– Первая, – подтвердил Никита.

– Я так и понял.

– А что, сильно заметно?

– Да уж заметно, – усмехнулся Родинов. – Суетишься, делаешь все, что скажут, и постоянно вопросы задаешь, я слышал. Не обижаешься, что на «ты»?

– Не обижаюсь, – ответил Никита, хотя заметная фамильярность коллеги его несколько покорибила. – Вы же меня по возрасту старше.

– Старше, старше, – пробурчал Виктор Георгиевич. – И не только по возрасту. Вот вижу, не понравилось тебе, что на «ты» я так сразу перешел. А ты не обижайся, привыкай. Это в больнице тебя все на «вы» да по имени-отчеству. А в экспедиции и имени никто не назовет, дадут кличку и тыкать будут. Там что рабочий, что начальник или доктор – всё едино и все едины. Я-то уже в третью по счету экспедицию иду, знаю, что там почем.

Никита решил воспользоваться моментом и сам продолжил разговор. Стал расспрашивать бывалого коллегу о том, почему в Институте царит такая неразбериха, почему ограничивают в лекарствах, в оборудовании.

– Ладно, давай пообедаем да пойдем воздухом подышим, а то кое-кому может не понравится, что мы так долго беседуем.

Вышли на набережную Невы, закурили. То, что рассказал

опытный полярный врач, Никиту потрясло. С горечью говорил Родинов о плачевном состоянии медицины на полярных станциях. Для российского Министерства здравоохранения медсанчасти полярников не существуют. Да иначе и быть не может. Взять, к примеру, рентген. Нужно отдельное помещение, соответствующая защита от радиации. А ничего этого нет. Рентгенаппарат находится в обычной комнате, как правило, за дощатой перегородкой врач живет. Невозможно учесть наркотические препараты, квалификацию врачей определяет не Минздрав, а Институт полюса, поэтому медицинское ведомство предпочитает делать вид, что им об этом ничего не известно. Пусть полярники за свои кадры сами отвечают и статистику им не портят. Это в больницах существует процент смертности и каждый летальный случай – ЧП. А на полюсе пусть сами разбираются, кого наказывать да отчего там люди болеют или умирают. Тем более что общеизвестно: Институт деньги экономит на всем – на чем можно и на чем нельзя. Лекарства, что за экспедицию не использовались, передают следующему составу. Часть из них давно просрочена, никого это не волнует. Половина приборов, это в лучшем случае, давно уже вышла из строя. Одним словом, положение печальное – это еще мягко сказано.

– Ты обратил внимание, что институтское наше начальство всячески огораживает новичков от общения с ветеранами. Это для того, чтобы такие, как я, таким, как ты, прежде времени ничего не рассказали. А то еще передумаете в экс-

педицию отправляться. Тебе небось говорили, что от желающих отправиться на зимовку отбоя нет. Так вот, это все вранье. Кадров не хватает катастрофически. Туман полярной романтики давно уже рассеялся. На большинстве станций – каторжный труд, к тому же с зарплатой стараются надуть. Оклад-то с гулькин хер, основной заработок составляет полярная надбавка. Вот эту самую надбавку в главный кнут и превратили. На станции существует один-единственный вид наказания: за любую провинность лишают надбавки. И главное, моду взяли – не сообщают, за какой период лишают. Только при расчете и узнаешь, да уж поздно кулаками махать, никому ничего не докажешь, да и слушать никто не станет. От начальника станции, конечно, много зависит. Это если начальник толковый попадется, а если рохля или пьяница – пиши пропало. – Родинов протянул Никите на прощание руку. – Ладно, не дрейфь, коллега, может, тебе повезет больше. Я ничего хорошего о «Пионерной» не слышал, но и сам там не был, а слухам доверять не привык. Бывай, на пароходе еще не раз увидимся.

Весь вечер Никита размышлял над словами доктора. «Нет, невероятно. Наверняка старый полярник решил сгустить краски, чтобы запугать коллегу. Бывают же такие люди, которые все видят в черном свете. А со мной такого просто быть не может», – решил Никита и постарался уснуть.

На четвертый день пути полярников позвали на общее собрание всех пяти антарктических станций. Когда расселись, к микрофону подошел статный мужчина лет шестидесяти. Это и был начальник экспедиции и начальник рейса Марат Владимирович Абишев. Долго и довольно монотонно говорил он о значении нынешней антарктической экспедиции, важности научных исследований, политической и стратегической роли присутствия России в Антарктиде.

– Завтра прибываем в немецкий город Бремерхафен, – объявил начальник. – Запасаемся пресной водой, продуктами, медикаментами. Стоянка пять суток. После завтрака и до двадцати одного часа разрешается увольнительная на берег, но не более чем на шестнадцать километров от порта. Вам выдадут суточные – по пятьдесят евро каждому.

– На сутки? – выкрикнул кто-то из полярников.

– На пять суток. Выдай вам такую сумму на сутки, вы в первый же день все и пропьете. И так вон уже все палубы заблеваны, постыдились бы моряков, что они о вас подумают. И еще по поводу ваших увольнительных на берег: личные документы остаются на борту. А сейчас я вас познакомлю с начальниками станций.

К Абишеву приблизились пять человек. Начальника станции «Пионерная» представляли вторым. Когда Владимир

Петрович Акимов сделал шаг вперед, среди полярников раздался явственный смешок. Небольшого росточка, худощавый, он напялил на себя фуражку-мичманку с несуразно длинным козырьком. Казалось, что на голове у него клюв. Когда он, представляясь, чуть наклонял голову, впечатление усиливалось – ну точно сейчас клюнет кого-нибудь.

«Клюв, клюв», – понеслось по рядам. Так эта кличка за Акимовым и укрепилась. Потом, на станции, появилась еще одна, совсем уж обидная, но то уж было потом...

Никита, перед тем как причалили, зашел в судовую библиотеку, полистал справочник, из которого узнал, что Бремерхафен переводится как «Бременская гавань». Город Бремен, это который из мультика «Бременские музыканты», в шестидесяти километрах, хорошо бы туда съездить, но нельзя. Максимов все ждал, что ему надо будет с кем-то из начальства отправиться на закупку препаратов, тем более что здесь предстояло купить обезболивающие наркотические средства, но так его никто и не вызвал.

Вместе с Саней, новым его другом, отправились гулять по городу. И Никита, и Саня впервые в жизни оказались за границей. Все им было здесь интересно – необычные аккуратные немецкие домики с черепичными крышами и ровными, словно по линейке вычерченными зелеными лужайками, остроконечная кирха на городской площади и то, как по утрам моют улицы с шампунем. Разок в бар заглянули. Саня к спиртному тоже был равнодушен, но по кружке знамени-

того немецкого пива, конечно, выпили, интересно же попробовать. Да к тому же с их «капиталами» особенно не разгуляешься. Тем более что Никита в первый же день приобрел местную сим-карту для телефона и каждый вечер, перед тем как вернуться на судно, подолгу разговаривал с Варей.

В первый же день стоянки случилось ЧП. Один из полярников умудрился на свои пятьдесят евро надраться так, что поймал «белочку» и стал на городской площади орать, что требует политического убежища. И дабы серьезность его намерений ни у кого не вызывала сомнений, решил тут же, на площади, помочиться. Хорошо, что рядом оказались моряки с «Академика Смирнова». Ловко скрутили алкаша и доставили его, уже сладко уснувшего, на ледокол. В тот же день незадачливого «диссидента» отправили в Санкт-Петербург, а к моменту отхода из Германии и сменщик поспел.

На пятый день Никита решил на сэкономленные деньги купить Вареньке хоть какой-нибудь сувенирчик на память о Германии, но его снова отправили в трюм – крепить ящики с медикаментами. Когда он выбрался на палубу, страна Германия уже скрылась в густом тумане.

МЕСЯЦ ВТОРОЙ

Наконец в вахтенном расписании Никита Максимов напротив своей фамилии увидел назначение – медсанчасть. Здесь, на ледоколе, медпункт по старинке называли «лазарет». И по сей день чтут на флотах святого Лазаря, покровителя всех больных, в честь которого и стали называть медицинские пункты и небольшие больнички. Никита уже знал, что на судне есть два лазарета – один для экипажа ледокола, другой для полярников. Морякам не то чтобы запрещалось, но «в категорической форме не рекомендовалось» лечиться в полярном лазарете; в свою очередь полярники не имели права обращаться в «морской» медпункт, а вот с этим уже было строго. Немудрящие эти правила озвучил Никите судовой врач Юрий Федорович Колотаев, когда отправился с Максимовым на склад получать форму: доктор на вахте в медпункте обязан быть облачен во флотское, и Максиму выдали курточку – погоны с тремя золотистыми нашивками, суконные брюки-клевш, а тельняшка, шапочка и белый халат у него были свои.

Через час после начала вахты в лазарет заявился Колотаев. «Вахтенный журнал заполнил?» – спросил он Никиту.

– Не успел пока, инструментарий и медикаменты разбирал.

– Надо заполнить.

– Хорошо, заполню.

– Не «хорошо, заполню», а «Есть заполнить!». У тебя на плечах погоны, сам ты – на вахте, а не в какой-то там «полуклинике», – построжал судовой врач. – Привыкай к порядку.

– Есть заполнить! – четко отрапортовал Максимов.

– Ладно, ладно, это я так, чтоб ты не расслаблялся. А вообще познакомиться зашел, так сказать, поговорить, по душам, как коллега с коллегой. А для душевного разговора чего нам не хватает?

– Душевности, – предположил Никита.

– Ха, ну ты даешь, парень – душевности, – развеселился Колотаев. – Шила нам не хватает, ши-ла.

– Какого еще шила? – изумился Никита. – Нет здесь никакого шила, только иглы.

Юрий Федорович аж согнулся от хохота, даже слезы на глазах выступили, смеялся до кашля, потом пояснил, что шилом моряки называют спирт.

– Так спирт же подотчетный, как же я спишу его?

– Ну, еще не хватало, чтоб я тебя этому учил. Не маленький, сам сообразишь. Давай, не рассуждай много, наливай по первой.

Никита достал из шкафа медицинский бутылек с плотно притертой резиновой пробкой, придвинул три стакана, в один плеснул спирту, в два других – воду. Доктор вниматель-

но следил за манипуляциями молодого доктора, удивленно поинтересовался, отчего это только в одном стакане спирт, а в двух – вода. Никита пояснил, что спирт и водичку на залив для него, Юрия Федоровича, а второй стакан с водой для себя.

– Так ты что, только воду пить собираешься?

– Воду, – подтвердил Максимов. – Я алкоголь вообще не употребляю, тем более на дежурстве.

– Не на дежурстве, на вахте, – машинально поправил Колотаев. – И спирт никогда не пил, даже в мединституте?

– Никогда не пил, – подтвердил Никита, – даже в мединституте.

– Погоди, погоди, да ты вообще хирург ли?

– Хирург первой категории, – уточнил Никита.

– А где ж ты непьющего хирурга видел? – изумился коллега.

– В зеркале.

– Чего такое сказал? В каком таком зеркале? – изумился судовой врач.

– Сказал, что непьющего хирурга в зеркале вижу, каждый день. Когда бреюсь, в зеркало смотрю, там непьющего хирурга и вижу.

Юрий Федорович долго, не мигая, смотрел на странного своего коллегу. Видно, такого ему встречать еще не приходилось. Потом, так и не сказав ни слова, единым махом влил в себя спирт, подышал в рукав, перевел дыхание и слегка сев-

шим после приема «шила» голосом произнес: «Да-а, теперь уж и не знаю, как с тобой разговаривать», – и полез в карман за сигаретами. К стакану с водой он так и не прикоснулся.

– Здесь же курить нельзя, – неуверенно произнес Никита.

– Больным нельзя, тебе нельзя, мне – можно.

Колотаев с видимым удовольствием затаился, выпустил дым витиеватыми колечками, приказал:

– Плесни еще.

Через полчаса он ушел, оставив Никиту в полном недоумении. Судовой врач расспрашивал своего молодого коллегу о том, с кем он успел на ледоколе познакомиться, о чем говорят, какие настроения у полярников, даже спросил, как Максимов относится к власти в целом и к президенту страны лично. О медицине не было сказано ни слова.

Сменял Никиту на вахте его старый питерский знакомец доктор Родинов. Как тот и предсказывал, на палубе они нет-нет да и встречались, и хотя дружбы не водили, но явно симпатизировали друг другу, обменивались пару-другой фраз, иногда выкуривали по сигаретке, болтая ни о чем. С ним-то, Виктором Георгиевичем, и поделился Никита своим недоумением.

– Ах, этот, – пренебрежительно махнул рукой Родинов. – Известный персонаж. Ко всем лезет со своими вопросами. Похоже, он из этих, о которых Дзержинский говорил, что у них должны быть холодная голова, чистые руки и горячее сердце. Ну, насчет головы и сердца не скажу, не знаю, а вот

руки у Федорыча точно чистые. Потому как он ими ничего не делает.

– Как понять?

– Да так и понять. Если к нему кто-то обращается с простудой, скажем, или с головной болью – это пожалуйста, таблеточку даст с превеликим удовольствием, а если посложнее какой случай, так он сразу нас зовет, полярных врачей. Вроде, как консилиум собирает, посоветоваться хочет. А на самом деле лечим мы, а он лишь присутствует. Мы эту его хитрость давно раскусили. Может, он и окончил какие-нибудь курсы, но то, что он никакой не врач, – это точно. В лучшем случае диплом купил, сейчас это несложно. Однако ты с ним вообще-то поосторожнее, следи за словами. Поди, отчеты пишет и отправляет своим товарищам «с холодными головами и горячими сердцами». В Институте полюса Первый отдел тоже никто не отменял, может, только название и заменили.

– Так вы думаете...

– Слушай, парень, я сказал тебе то, что сказал, а уж думать ты сам думай. И мыслями своими не делись, не советую. А то, неровен час, тот, с кем ты своими мыслями поведишься, прямиком и побежит к этому «доктору с чистыми руками».

В каждой из пяти экспедиций, отправлявшихся на полюс, был свой врач, поэтому вахты в лазарете несли они раз в пять суток. Для Никиты это были самые счастливые часы, он находился в привычной для себя обстановке.

Жизнь на ледоколе была для полярников однообразной и монотонной. Шахматы, домино, нарды – все это скоро приелось. В кают-компани по вечерам крутили фильмы, но в основном старье. Не тяготил дальний переход только пьяниц. Где они добывали спиртное, им одним было ведомо. Но пили неистово, каждый день. Пьянели быстро – алкашам, как известно, много не надо; опьянев, падали в шконки, сотрясая кубрики богатырским храпом. Начальству, судя по всему, было наплевать, да и вообще руководитель экспедиции и начальники станций жили какой-то своей, никому здесь неведомой жизнью – полярники, во всяком случае, их почти не видели.

Никита утешал себя мыслью, что это люди так «отвязываются» перед долгой зимовкой. Не могут же они на полярной станции пить так же беспробудно? Там же работать надо в сложнейших условиях. Какие при этом могут быть пьянки?..

Святая простота!

Кроме вахт в лазарете была у Никиты еще одна отдушина – переписка с Варей. Понятное дело, что в наш компьютерный век эпистолярный жанр как таковой существовать перестал. Электронная почта, эсэмески, где даже знаки препинания молодежь игнорирует, – все это сделало обычное,

старое доброе письмо на листке бумаги ненужным и архаичным. Представьте себе, приходит в радиорубку Сергей Есенин и протягивает радисту такой текст:

Ты жива еще, моя старушка?

Жив и я. Привет тебе, привет.

Пусть струится над твоей избушкой

Тот вечерний несказанный свет.

Радист – по-флотски «маркони», – ухмыляясь, комкает бумагу с множеством лишних и ненужных, по его мнению, слов, швыряет в мусорную корзину, и споро набирает на компьютерной клавише: «Здравствуй, мама. Как живешь? Сережа».

В радиорубку Никита пришел на второй день после того, как вышли из Бремерхафена. У компьютера сидел немолодой уже мужчина в смешной ярко-красной клетчатой, как у клоуна в цирке, кепочке. Рядом крутилась на вращающемся стуле рыжая девица.

– Полярник? Звать-то тебя как, куда идешь? – скороговоркой спрашивал радист.

– Полярник, врач, – уточнил Максимов. – Звать Никита, иду на «Пионерную». – Он уже знал, что «плавает только говно, а моряки по морю ходят».

– Будем знакомы: Толик, радист, по-нашему – маркони. А это Светка – юноша.

– Юноша?! – удивился Никита. Рельефные Светкины формы, слегка задрапированные коротеньким платицем, не

оставляли никаких сомнений в ее принадлежности к прекрасному полу.

– Понял, по-нашенски пока еще не сечешь. «Юноша» – это значит юнга. Ну, мне-то юнга по штату не положен, в судовой роли Светка – юнга на камбузе, а ко мне в ученицы напросилась, ходит вот в свободное от вахт время. – Радист явно был словоохотлив и не прочь поболтать с новым человеком. – Чего принес?

– Мне сказали, письмо можно отправить. Анатолий, а как вас по отчеству?

– Вообще-то Семенович я, Анатолий Семенович Верин, но нам, маркони, отчества не полагается, хочешь Толиком зови, хочешь маркони, мне все едино.

– Так что насчет письма?

– Можно, можно. Кому пишешь-то, мамке или любимой?

– Жене.

– Ну, жене так жене. Давай, что там у тебя. – Маркони взял листок и скептически хмыкнул. – Ты чего тут целый роман накатал? Мне ж на твое письмо полдня убить придется. Ладно, не тушуйся, кореш, на первый раз пойду тебе навстречу. Но, как сказал один герой: «не бесплатно, не бесплатно!» Тут вот какая история. Чего-то у меня в последнее время давление скачет. Наш док тот еще деятель, тонометр достанет, измеряй, говорит. Потом посмотрит, репу почешет и на умняке так травит: правильное питание, свежий воздух, крепкий сон. Совсем охренел, лепила. Кок про «правильное» питание

услышит, пошлет куда подальше. А кто меня от вахт освободит, чтобы спал я крепко? Хоть бы таблетку какую дал. А к вам, врачам из экспедиций, нам обращаться запретил. Негоже, говорит, чтобы флотские у берегашей помощь просили. Тоже мне, мореман нашелся, с площади Дзержинского. – Видно, на судне у Колотаева была совершенно определенная репутация. – Ну, так как, поможешь? – с надеждой спросил маркони.

– Да как же я помогу? – растерялся Никита. – Вы ко мне прийти не можете...

– А ты сюда приборчик-то приволоки, здесь и померишь мне давление, может, чего и присоветуешь. Вот прямо сейчас и сходи, а я пока письмо твое отправлю. Лады?

На время плавания Толик Верин стал постоянным пациентом доктора Максимова. В радиорубку вместе с очередным письмом Варе или родителям Никита приносил тонометр, подобрал для Верина нужные таблетки – и был теперь, по словам маркони, его лучшим корешем. За что и пользовался привилегией писать Варе не коротенькие записочки, а хотя бы несколько более или менее вразумительных фраз.

Толик Верин был радистом со стажем. Коренной одессит, он азбуку Морзе изучил еще в радиокружке Дворца пионе-

ров имени Крупской; в свое время ходил радистом и на пассажирских, и на грузовых судах Черноморского пароходства. Был он настоящим мастером своего дела, на ключе работал просто виртуозно, а уж с сигнальными флажками обращался так, что любой цирковой жонглер обзавидуется. Но на судах появились компьютеры, спутниковые телефоны, иная-прочая электроника. И радисты с квалификацией Верина флоту стали просто не нужны. К тому же и возраст уже далеко не юный. Одним словом, на любимые свои пароходы смотрел теперь Верин только с берега. По молодости был он парнем симпатичным, общительным, анекдотов знал кучу, на гитаре играл, слыл душой компании, женским вниманием обделен не был, но семьей так и не обзавелся. Насмотрелся на жен моряков да на их семейные ссоры, скандалы, которые иной раз к трагедии приводили. Всякую охоту к женитьбе отбило.

...Затосковав на берегу, пристрастился к рюмке, стал завсегдатаем сначала известного в Одессе пивбара «Гамбринус», где под пиликанье скрипочки бывшие моряки, а теперь, стало быть, бичи травили всякие байки. Поистратившись, и до дешевеньких пивнушек докатился. А когда очнулся однажды утром в милицейском «обезьяннике» с распухшим лицом, синяками и ссадинами, да к тому же вспомнить не мог, что с ним приключилось и как здесь оказался, то твердо решил – надо жизнь менять.

Человек по натуре деятельный и предприимчивый, после долгих размышлений и поисков подался Верин в полярный

флот. Здесь ни на возраст не посмотрели, ни на плохое знание компьютера. Купив медицинскую справку – здоровье-то уже пошаливало, – оформился радистом на ледокол «Академик Смирнов», да так здесь и прижился. Из старых привычек сохранил маркони трепотню в кают-компании, где смачно рассказывал содержание самых пикантных писем моряков и полярников. Сплетни эти привычным делом были на пассажирских и грузовых судах, да и то не на всех, а уж на военном флоте или, скажем, на научных теплоходах, где люди служили все больше образованные, интеллигентные, их особо не жаловали. К чести Толика надо сказать, что, цитируя эти послания, он редко называл имена, ну разве уж совсем необычное послание попадетсЯ, как тут не ткнуть пальцем в того, кто такое накарябал.

Полярники через пару месяцев плавания если не все, то многие впадали в хандру, тоскуя по женам и любимым, ревновали их отчаянно и чаще всего беспочвенно. Но ревность эта в письмах носила характер самый неприглядный. После одной-двух фраз приветствия такой вот ревнивец писал примерно следующее: «Зинка, сука, гляди мне! Сблядуешь – убью. И помни: Вовчик тебя любит». Вот и все признание в любви.

На ледоколе и моряки, и полярники прекрасно знали, что Толик – трепло, но вынуждены были с этим мириться. Вот только для своего нового кореша – доктора Никиты Максимова сделал маркони исключение.

– Ты, Никита, не сомневайся, о твоей Вареньке я в уют-компании ни гу-гу. Так что смело пиши все, что хочешь. Толик Верин – могила.

Кроме маркони появилась у Максимова и еще одна пациентка из экипажа. Как-то раз обратилась к нему помощница шеф-повара тетя Аня, пожаловалась, что вот уж месяца два стоять ей все труднее и труднее – в пятку словно иголку вогнули. Боль нестерпимая, а присесть некогда и некуда, работа стоячая. К Юрию Федоровичу, судовому врачу, обращалась, да толку никакого, не помог он ей ничем, сказал, что нужна операция, а на ледоколе какая может быть операция, спишешься на берег, там и прооперируешься, а пока терпи, мол. «Вот мне Толик-маркони присоветовал: ты, Аня, к доктору с „Пионерной“ обратись, всем врачам врач! – говорила повариха. – Я и решилась...».

Никита нагнулся, сжал пятку женщине, та аж вскрикнула от острой боли.

– Здесь, на камбузе, я вас как следует осмотреть не смогу. Сами понимаете, не те условия. Судя по симптомам, у вас пяточная шпора, штука неприятная, но лечить можно, – сказал ей Максимов. – Надо вам ко мне прийти, в лазарет.

– Приду, конечно, приду, только лучше попозже, часиков

после десяти вечера. У тебя, Никитушка, когда вахта в лазарете?

Тетя Аня пришла поздно вечером, принесла пирожков горячих – с мясом, с капустой, с картошкой, пачку хорошего английского чая.

– Ну что вы, зачем? – смутился доктор.

– Кушай, кушай, это не с общего стола, я тебе по домашнему испекла, соскучился, поди, по домашней еде.

– Да куда мне столько, гора целая.

– Много – не мало. Горяченьких прямо сейчас поешь с чайком, тепленьких, я вот в полотенце завернула, утречком, да и товарищей твоих угостить тоже хватит.

Сделал ей обезболивающий укол. Тетя Аня радовалась, как ребенок – боль ушла. Но Никита понимал – это ненадолго. Следующее письмо отправил не Варе, а деду своему – профессору Максимову, просил у него совета. Через день профессор прислал внуку ответ с подробнейшими рекомендациями. Прочитал их Никита и пригорюнился. Видно, дед и малейшего представления не имел о судовом лазарете. То, что он рекомендовал, осуществимо было лишь в классной клинике, но не здесь, где экономили на каждой ампуле новокаина, а уж дорогих эффективных препаратов сроду не водилось. Считалось, что раз прошел медкомиссию, значит, в рейс идешь здоровым. Кое-что, конечно, сделать ему удалось, хоть и предупредил женщину, что после рейса надо обратиться к серьезному врачу и даже написал ей рекоменда-

тельное письмо к деду.

Узнав, что Никита – профессорский внук, тетя Аня только руками всплеснула и головой укоризненно покачала: «И как же это тебя из такой семьи да на этот проклятуший поллюс отпустили! Чего тебе самому-то в Москве не сиделось?» С того дня и до конца рейса подкармливала она Никиту ежедневно. Увидит его в кают-компании и наполняет специально для «своего доктора» тарелку сверх всякой меры. Он смущался – перед товарищами чувствовал себя неловко, пытался отказываться, но без толку. Тетя Аня была непреклонная в своем стремлении подкормить худенького Никиту. Как-то шеф-повар сделал ей замечание: «Любимчика завела себе, Анька, смотри мне...» Но острой на язык Ане никто безнаказанно замечаний делать не мог, сказала, как отрезала: «Ты за мной не гляди – зрение испортишь. А то я тебе про твои шахер-махер тоже могу пару ласковых сказать». Уж как-то слышан был про бурные похождения Ани Камбуркаки, счел за лучшее промолчать.

Как-то вечером, явившись в лазарет на очередную процедуру, тетя Аня принесла с собой великолепно закопченную золотистую скумбрию – она вообще к «своему» доктору с пустыми руками никогда не приходила. Аккуратно и споро

разделава рыбку, повариха, ничуть не смущаясь – да и кто станет стесняться доктора, – расстегнула две пуговички на блузке и извлекла из-за пазухи четыре банки элитного бельгийского пива.

– Вот чем хороша большая грудь, – заявила она хвастливо. – Чего хошь припрятать можно.

– Да я вообще-то не пью, тем более на вахте, – промямлил Никита.

– Знаю, наслышана, одобряю. Но пивка-то, тем более такого, сам морской бог велел. У меня сегодня вечерок свободный выдался. Начальство какой-то сабантуй затеяло, да боятся, чтоб лишних глаз не было. Ну, нас всех шеф с камбуза погнал, валите, говорит, отсюда, сам управлюсь. Я вот пивка с рыбкой с их барского стола и притырила. У тебя, как я погляжу, тоже от народу лазарет не ломится. Так что давай, Никитушка, выпьем за крепкую морскую дружбу. И хотя ты не флотский, но парень стоящий. Уж поверь, у Анны Михайловны Камбуркаки глаз верный.

– Я вас теперь, Анна Михайловна, буду по имени-отчеству называть, а то «тетя Аня» да «тетя Аня», даже неловко как-то.

– Да что ж тут неловкого? Я теперь уж не в тетки даже, а таким, как ты, в бабки гожусь. В молодости была Аня, Анька, для кого-то Анюта, потом стали Анной Михайловной величать, ну а здесь – тетя Аня, да я привыкла. Один Толик меня по-прежнему Анютой называет, так мы с ним старые

кореша, еще на «пассажире» вместе ходили, а вот теперь он меня сюда затянул.

Вахта у доктора была до утра, да и тетя Аня особенно не торопилась. Уж так ей хотелось выговориться. К тому же доктор этот, молодой и чернявенький, так похож на ее сына Костю.

Когда-то имя Анны Михайловны Камбуркаки было легендарным на всех судах Черноморского пароходства. Легенды, чем дальше, тем больше, обрастали подробностями, и уже не было никакой возможности понять, где правда, а где вымысел. Родилась Аня под Херсоном, потом семья Василенко переехала в Одессу. Озорная девчонка предпочитала водиться исключительно с пацанами. Лазала с ними по чужим садам, ныряла со скалы в море, а заплывала так далеко, что ее пару раз пограничные катера вылавливали. Вот только училась из рук вон плохо – неинтересно ей, скучно в школе было. Потому даже в среднюю мореходку поступить не сумела. Но любовь к морю – любовь вечная. Аня окончила курсы и в свой первый рейс ушла, числясь в судовой роли «классная номерная», что на берегу значит горничная. Ловкая, проворная, не чуралась никакой работы, порученные ей каюты блестели чистотой. Моряки тогда все как один

за границей чем-нибудь приторговывали. Самым ходовым товаром были икра и водка, которые умудрялись сверх всякой нормы контрабандой провозить. Аня и тут отличилась. И когда она умудрилась продать летом в Греции абхазские мандарины, о ней заговорили, передавая рассказ с парохода на пароход. Поначалу говорили о двадцати-тридцати килограммах, под конец навигации в байке чуть ли не тонна фигурировала. А уж о ее романтических похождениях такие ходили сплетни, что если бы им поверить, то во всем пароходстве не было моряка, с которым бы Аня шашни не крутила. Однако это не помешало ей выйти замуж за одесского грека Христофора Камбуркаки, горячего, вспыльчивого и не в меру ревнивого. Родив от него дочку и сына, Аня мужа выставила. «Мое слово – закон, я в доме хозяйин!» – кричал, распалившись, Христофор и требовал, чтобы жена немедленно «сошла на берег». Но, когда исчерпав аргументы, руку поднял, то вылетел из дому без двух зубов и с поломанным ребром. Впоследствии Аня о своей семейной жизни рассказывала так: «Во мне и украинская кровь течет, и русская, и даже вроде польская. А теперь еще и греческой не меньше половины – столько я из своего Христи кровушки выпила».

Один из капитанов, с кем Аня ходила в зарубежные рейсы, получил новое назначение, о котором только мечтать можно, и взял ее в свою команду на теплоход «Одесса» – самое большое по тем временам советское круизное судно. «Одесса» в порт приписки даже не каждый год заходила, находясь по-

стоянно в трансатлантических рейсах. Отдыхала здесь в основном советская элита. Вместе со всей семьей отправился в круиз как-то раз и глава советского правительства Алексей Николаевич Косыгин.

– Смотри, Анька, будешь в круизе обслуживать самого Косыгина. Но имей в виду, если ты хоть раз при нем рот свой раскроешь, это будет последний день, когда кто-то твои зубы увидит.

Капитан знал, что говорил, уж ему-то хорошо был известен острый Анин язычок. Но и лучше неё никто бы высокого гостя обслужить не смог.

Закончилось все печально. В конце круиза Косыгину по традиции подали Книгу отзывов почетных гостей. Банкетный стол сиял хрусталем, капитан надел парадный мундир, Аня стояла поодаль, в белом крахмальном передничке на синей форменной юбке, с кокетливым кружевным кокошником на голове. Косыгин долго что-то писал, потом отодвинул Книгу отзывов, но тут увидел Аню, заулыбался и говорит: «Ну вот, а женщину, которая за всей нашей семьей так заботливо ухаживала, я и не отметил. Скажите, Анна Михайловна, как ваша фамилия, я и вам благодарность напишу.

Аня зарделась, а потом внезапно выпалила:

– Фамилия моя, Алексей Николаевич, Камбуркаки, но на шо она мне, та благодарность, если мне в Одессе с детьми жить негде!

– И много у вас детей? – поинтересовался председатель

Совмина.

– Двое, сынок и дочка.

Косыгин взглянул сурово на капитана, словно это он был виновен, что Ане и ее детям жить негде, строгим тоном потребовал бланк радиограммы. Через час в квартиру председателя Одесского горисполкома примчался фельдъегерь в сопровождении представителя пароходства. В Одессе было четыре утра. Перепуганный насмерть градоначальник раз десять перечитал правительственную телеграмму, потом позвонил по телефону дежурному по пароходству, но так и не понял, почему за какую-то буфетчицу или кто она там хлопчет сам Косыгин.

В телеграмме было сказано: «Предгорисполкома Одессы тчк Прошу кратчайшие сроки рассмотреть вопрос предоставления жилищных условий соответствии санитарными нормами члену экипажа т/х квч Одесса квч Анны Михайловны Камбуркаки тчк Предсовмина СССР Алексей Косыгин тчк».

От инфаркта одесского мэра спасла стопка доброй домашней горилки, что вовремя поднесла ему жена. Проводив Косыгина, Аню Камбуркаки из ближайшего порта отправили домой. Когда начальник Черноморского пароходства узнал о телеграмме Косыгина и выяснил в подробностях, что произошло на теплоходе «Одесса», то распорядился уволить Аню в одночасье. В день прилета Аня получила ордер на трехкомнатную квартиру – и с того же дня все стали вели-

чать ее Анной Михайловной. Ну а как, скажите, может быть иначе, если ее по имени-отчеству величает сам председатель Совмина СССР?

Выслушав эту историю, Никита хохотал до слез.

– Ну, а дальше, дальше-то что было? – допытывался он.

– А что дальше? А дальше отобрали загранпаспорт моряка, даже на внутренние рейсы устроиться не могла, нигде не брали. Не Косыгину же снова жаловаться, такое счастье раз в жизни бывает, да и то не всем. Хата есть, а в хате шаром покати. Муженек мой бывший к тому времени уже в свою Грецию умотал, но детишкам кое-что присылал, правда, больше шмотками, чем деньгами. Но я на подачки жить не привыкла. Хваталась за любую работу – и уборщицей была, и пончики жарила, одно время даже дезинфекцией занималась, тараканов травила на портовых складах. А когда начальник пароходства сменился, мне удалось устроиться на одно прогулочное «корыто», шлепали от Одессы до Сочи, от Сочи в Одессу. Потом и вовсе на пенсию отправили. А тут как-то Толика Верина встретила. Хороший он парень, хоть и болтун, но душевный. Рассказал мне, что можно даже в моем возрасте на ледокол устроиться. Это, конечно, не круизный лайнер, но – в море, зарплата хорошая, да я на берегу себя как та рыба чувствую, задыхаюсь. Ладно, давай еще пивка тяпнем, да я спать пойду. И мне вставать рано, да и тебе отдохнуть от говорливой бабы нужно.

МЕСЯЦ ТРЕТИЙ

Подъем, отбой, вахта, обед, ужин, завтрак, вахта, отбой, подъем – все перемешалось; и дни с ночами перемешались тоже. Если бы не календарь на часах, Никита давно бы счет времени потерял. Он уже не возмущался, что его, врача, кроме основных вахт в лазарете гоняют на любые работы: чистить картошку на камбузе, перебирать овощи, драить палубу, сортировать продукты. Поначалу он пытался протестовать, даже обратился к начальнику своей станции.

– Я же врач, так какое отношение я имею к другим работам! – горячился он.

– У тебя в договоре что записано? «Обязан выполнять ВСЕ указания начальника. – Петр Петрович голосом выделил слово «все». – Вот и выполняй. В рейсе нет врачей, ученых, рабочих, и по мере необходимости нужно выполнять любую работу.

Петр Петрович говорил монотонно, покачивая головой и, казалось, что он вот-вот клюнет Никиту своим козырьком-клювом. С «мичманкой» он не расставался – полярники злословили, что Клюв даже спит в фуражке. На том начальник счел тему исчерпанной и, не слушая больше доктора своей станции, зашагал прочь.

Вечером в кубрике Никита рассказал о своем разговоре с

Акимовым.

– А чего ты хотел? – хмыкнул Афоня, занимавший шконку напротив.

По штатной должности на станции Виктор Глебович Смирнов числился сантехником. Отправлялся он в свою четвертую по счету экспедицию. Знакомясь, предупредил: «Кто хоть раз назовет Афоней – покалечу, едрёна-матрёна. Зовите Глебыч, нет, так можете Академиком называть – я же тоже Смирнов, как наш „пароход“».

И хотя виду Смирнов был внушительного – рослый, с широкими развернутыми плечами, мускулистый; само собой, звали его не иначе, как Афоня либо Едрёна-матрёна – без этой поговорки Глебыч и одной фразы произнести не мог. Угостившись у Макса – так называли Никиту в кубрике – сигаретой (свои «Афоня» не курил принципиально), он с явным превосходством над салагами стал просвещать:

– Мы здесь есть кто? Мы здесь, едрёна-матрёна, есть рабочий скот. Вы хоть раз видали, чтобы морячки палубу драили или там картошку чистили? Нету такого. Хотя они зарплату валютой получают. А мы за свои российские деревянные должны день и ночь спину гнуть. По морскому ведомству своих людей-людишек берегут, значит. А мы, стало быть, не люди, и беречь нас, едрёна-матрёна, вовсе ни к чему. Заметили, они, моряки эти, даже здороваются с нами через раз. А уж чтобы поговорить или куревом там угостить – да ни в жисть! Я тут давеча у одного в форме сигаретку попросил,

так он даже головы в мою сторону не повернул. Сплюнул под ноги и пошел дальше. А мне потом эту палубу заплыванную драить. Эх, ребята, дайте покурить, душа горит, едрёна-матрёна!

Душа у Афони горела каждый день. И заливал он этот пожар ежедневно – под мухой был перманентно, но в хлам, как другие, не напивался.

А начала гореть душа у Вити Смирнова после того, как он, мастер спорта СССР по метанию молота, порвал во время всесоюзного турнира связки на ноге. В больницу к нему приходили только родственники да верный школьный дружок Петька Чернов. Родичи приносили яблоки и апельсины, домашний бульончик и отварную курочку, Петька тайком приносил бутылку «беленькой» – лучшее обезболивающее, уверял Чернов. Ни товарищи по команде, ни тренер так ни разу и не заглянули проведать чемпиона, о котором говорили, что он-де надежда советского спорта. Виктор себя уговаривал, что команда, наверное, на турнир улетела, хотя точно знал, что никаких соревнований сейчас нет. Потом произошло то, что чаще всего происходит со спортсменами, когда они больше не могут приносить команде медали и кубки. Спускаясь с пьедестала, эти люди зачастую и в жизни катятся вниз. Председатель спортобщества, к которому пытался пробиться Смирнов, экс-чемпиона даже не принял.

Дальше рассказывать скучно. Куда-то подевались друзья, бесследно исчезла, будто ее и не было никогда, любимая, до-

ма перестал звонить телефон. Когда Витя продал свой последний серебряный кубок – он получил его в Австралии, – то деньги не пропил, как обычно, а пошел к частному наркологу. Тот оказался бывшим спортсменом и сказал, что Виктору не лечиться надо, а о жизни задуматься.

– Ты же молот метал, – сказал странный нарколог. – Ну и считай, что так далеко метнул, что его и не видно, и искать не надо. Себя найди. Жизнь на стадионе не заканчивается. Я тебя, конечно, полечу, но и ты сам себя вылечи.

С Петькой Черновым и ушел Виктор в свою первую полярную экспедицию. Сначала был разнорабочим, потом, уже на полюсе, освоил специальность сантехника. Силушкой его природа-матушка наделила щедро, из старых привычек сохранил он ежедневное, в любую погоду, обливание ледяной водой и неприменную зарядку. Завязать с алкоголем окончательно и бесповоротно ему так и не удалось –пил, правда, умеренно, но ежедневно. В суждениях оставался резким, но, зная его силу и взрывной необузданный нрав, никто с ним старался не конфликтовать. Кличку Афоня, полученную на той зимовке, где впервые работал штатным сантехником, поначалу ненавидел, потом смирился.

С моряками у полярников и впрямь отношения не сложи-

лись. На ледоколе словно существовали два отдельных государства, находящиеся в состоянии холодной войны. Своего презрения экипаж ледокола и не скрывал. Называли полярников бичами и алкашами. Сами-то они тоже к рюмке прикоснуться были не прочь. Но у них дисциплина, квасили втихаря, в своих каютах, потом проспятся – и на вахту. Форменная тужурка, выбрит до блеска, поди скажи, что накануне пол-литра, а то и больше, на грудь принял. Полярники же, уж если дорывались до бутылки, гудели по-черному – шумно, с песнями под баян, шлялись расхристанные по палубе, которую сами же потом от своих нечистот и отмывали, – без этого ни одна пьянка не обходилась. Мерзость, да и только. Тот же сантехник Афоня, не чуждый, как выяснилось, изящной словесности, беря в руки швабру, говаривал: «Эх, едрёна-матрёна, в нашем дальнем море-окияне блевотина подымает паруса».

Начальство этому разгулу не препятствовало. Да и какое у них на ледоколе было начальство?! Это у моряков – капитан, старпом и прочие командиры, а полярники своего начальника экспедиции только издали и видели, за все время пути от Санкт-Петербурга до Южного Полюса тот умудрился даже ни разу не спуститься на ту палубу, где жили зимовщики.

Моряки презирали полярников даже за то, что те не могли усвоить, что капитана следует называть «мастер», старпома – «чиф», старшего механика «дед», повара – «кок» или «кандей», юнга – «юноша», радиста – «маркони», старшего

матроса – «кувалда»; что не могут запомнить: за борт плевать – грех, что компот не пьют, а кушают, что макароны не могут быть флотскими: флотские – это те, кто вахту несет, а макароны бывают с мясом... Э, да что говорить о людях, которые ледокол могут назвать «корабль», хотя и младенцу известно, что корабли бывают только военными и никакое другое судно называть кораблем просто недопустимо.

Полярники, в свою очередь, недоумевали – на кой хрен им запоминать все эти флотские премудрости. Рейс закончится, и забудут они про эти морские обычаи, а на станции никаких капитанов, старпомов и юнг не существует. Там своя иерархия.

Как-то раз, в погожий солнечный денек, уже к экватору подходили, Никита с Саней устроились на шлюпочной палубе и под гитару негромко пели песни Высоцкого – любили его оба. Остановился проходивший мимо молоденький штурман. Постоял поблизости, широко расставив ноги и засунув руки в карманы – ну ни дать ни взять бывалый морской волк. Послушал, как ребята поют, потом наставительно сказал:

– Не спорю, хороший певец – Владимир Высоцкий, и про море душевно так пел. Но ошибался, проявлял, так сказать, незнание специфики. Вот, к примеру, есть у него песня про тревогу. Там у него человек за бортом тонет, а он поет – я специально запомнил: «Никто меня не бросится спасать и не объявит шлюпочной тревоги». Это же полная ерунда и непо-

нимание сути морского распорядка. Шлюпочная тревога – это когда моряки сами спасаются на шлюпках: один гудок длинный и семь коротких, а ежели человек за бортом, то так и называется – тревога «человек за бортом». Обозначается как? Как положено по сигналам тревог: сирена с дублированием голоса по трансляции, или три продолжительных звонка громкого боя.

Штурман глянул на салаг с явным превосходством: глядите, мол, как я на зубок всё знаю и четко могу изложить.

– Значит, по твоему мнению, Высоцкий должен был вызубрить сигналы тревог, как ты, а потом их зарифмовать и спеть. Так, что ли? – завелся вспыльчивый Саня, и не без ехидства спросил: – А ты сам-то инструкции не поешь?

– Не, – ответил, штурман, не поняв сарказма. – Я не пою, у меня музыкального слуха нет.

– А если бы был, то сочинял бы песни и пел?

– И сочинял бы, и пел, – твердо ответил тот. – Вы, бичи, не сомневайтесь, еще как бы пел.

– А почему вы нас, собственно, бичами называете? – поинтересовался Никита. – Бичи, насколько я знаю, это те, кто по берегу ходит. А мы сейчас в океане.

– А есть еще одна присказка, – снизошел штурман. – БИЧ – это бывший интеллигентный человек, такая вот расшифровка.

– Отчего же бывший? – возмутился Никита. – Вот я, например, врач, Саня – классный механик...

– Все равно – бывшие, раз в полярники подались, и разговору нет – интеллигенты бывшие. – И, считая, что говорить больше не о чем, махнул рукой и зашагал прочь, кинув на прощание: – Адью, бичи!

В кубрик заглянул Клюв – событие из ряда вон выходящее: впервые за два с лишним месяца плавания!

– Внимание, – хлопнул он в ладоши, – примерно через сутки будем пересекать экватор. Проведем мероприятие – День Нептуна. Нужно подготовить костюмы – всякие там бороды, перья, копыя, чего еще не помню. Зайдите кто-нибудь в библиотеку, ну хоть ты, доктор, почитайте, чего там надо на этот день. Ну, одним словом, все должно быть культурненько. Капитан теплохода сам лично будет вас поздравлять. Так чтоб я ни одного бухого на празднике не видел. После набухаетесь, – вполне благодушно завершил он свою тираду.

Никита, конечно, знал, что Нептун – бог морей, но в библиотеку сходил.

– Чего-то ты зачастил сюда, брюнетик, – кокетливо проворковала высокая библиотекарша. Облик ее как-то не соответствовал интонациям и Никита решил, что она над ним просто насмехается. – Познакомиться хочешь? Так я уже зафрахтована.

Никита и вправду заходил в библиотеку нередко, брал книги, иногда читал прямо здесь.

– И мыслей таких не было. Читать люблю, вот и захожу.

– Ой, все вы так говорите! Ладно, чего тебе? – и, услышав, что полярники готовятся к празднику Нептуна, принесла несколько тощих брошюрок, добавив при этом: – Меня позвать не забудьте, погляжу, как вы там веселитесь.

Сведений было немного: Нептун – бог морей и потоков... Женой Нептуна считалась богиня Салация. О Салации сказано, что с латыни имя ее переводится как «морская пена», хотя она и «божество соленой воды(море)» – вот прямо так и написано. Была еще картинка: возвышающийся над морскими волнами бородатый мускулистый мужик с короной на голове замахивался трезубцем. Вокруг пояса он был обернут то ли рыбьей чешуей, то ли водорослями. Картинку Никита сфоткал на телефон, потом показал в кают-компании.

У бывалых полярников идея проведения праздника никакого восторга не вызвала – видели, знаем, побесишься на палубе, водой из ведра оболуют – вот и вся недолга. Вы, молодежь, хотите, сами и наряжайтесь, а для нас и так сойдет. Но те, кому предстояло экватор пересечь впервые, загорелись. Шутка ли – линия сечения планеты Земля.

– Вот только где мы возьмем богиню Салацию? – засомневался Саня. – Не самому же в бабу рядиться.

– Кажется, я знаю, кто нам нужен, – сказал Никита и отправился на камбуз.

– Анна Михайловна, а где Светка? – спросил он повариху, не обнаружив рыжеволосую «юношу».

– Где ж ей быть, возле маркони, поди, крутится, шалава рыжая. А ты что, доктор, влюбился, что ли? Гляди, намнет тебе Толик бока.

– Да нет, что вы, дело у меня к ней.

Никита заспешил в радиорубку.

Услышав необычное предложение, Светка зарделась:

– Это я, значит, богиню изображать буду, во здорово! А богине руки целовать будут?

– Ноги тебе целовать будут, пятки твои потресканные, – беззлобно заворчал Толик.

– А как я буду одета? Что делать надо? Что говорить? Или петь нужно? – затараторила Светка.

– Зачем тебе одеваться? – хмыкнул радист. – Ты же богиня, выйдешь голая, сиськами потрясешь, жопой покрутишь – и порядок.

– Дурак ты, – обиделась Светка. – Пятки ему мои не нравятся. Сам вон ногти до сих пор грызешь, как маленький.

– Как разговариваете со старшим по званию, юнга? – напустил на себя строгость Толик. Но Светка, обидевшись, убежала.

– Зачем ты так? – укорил его Никита.

– Порядок должен быть, нефиг забываться. А то думает, если я с ней... – Впрочем, он предпочел не уточнять, чего он «с ней».

Целой делегацией полярники отправились к боцману.

– Да знаю я, знаю, – заворчал боцман. – Мастер уже отдал распоряжение. Кажинный раз одна и та же канитель. Ладно, пошли в каптерку, подберете там чего надо – я еще с прошлого рейса заначил все эти бороды, корону, перья, тряпье всякое.

Чего там только не было, в этой боцмановой каптерке! Даже якорь в углу торчал.

– Это как же вы сюда такой огромный якорь втиснули? – изумился Саня.

– Этот-то огромный? – хмыкнул боцман. – Да ты, видать, совсем салага. Не якорь это, а так – якорек, килограммчиков на сто, не боле, только для прогулочной лодки и сгодится. А спрятал, чтоб на металлолом не уволокли. Глядишь, сгодится на что полезное, – туманно пояснил боцман.

Подобрали бороду из пакли, шикарную медную корону для Нептуна, мешковину, обшитую чешуей, даже черные пиратские повязки нашлись. Светка в груди тряпья откопала прозрачное, с перьями, платье, унося его бережно, ворковала: «Здесь подошью, тут подштопаю, отглажу – буду как принцесса».

– Слышь, принцесса, – передразнил ее боцман. – Вернуть не забудь. Вас тоже касается, – обратился он к парням. – Все в аккурат вернете. Другим тоже день морского бога отмечать надо. Да и сами на обратном пути, после зимовки, опять ко мне явитесь, когда через экватор пойдем.

– Приходите к нам на праздник, весело будет, – радушно пригласил боцмана Никита.

– Там видно будет, – неопределенно ответил тот.

Эх, какой это был праздник! Точь-в-точь как в песне – «со слезами на глазах». Капитан, Виктор Карпович Бурцев, сдержал слово, явился поздравить полярников с Днем Нептуна. Высоченный, два метра, не меньше, во всем великолепии белоснежной флотской формы, он вышагивал, высоко поднимая колени своих длиннющих ног. Вручил «Нептуну» символический ключ от экватора, то и дело поглаживая тоненькие усики, встал в сторонке, всем своим видом показывая, что целиком и полностью одобряет происходящее. Рядом, но чуток, как говорят моряки, в кильватере, чтобы не заслонять короля, пристроились старпом ледокола и начальник экспедиции.

Нептун – бывший спортсмен Виктор Смирнов, Афоня, был просто великолепен. Высокий, атлетически сложенный, с по-прежнему рельефными бицепсами и трицепсами, густым басом, приклеенной седой бородой, выглядел настоящим морским царем. Да и Светка не подвела, привела дражное платье, выданное боцманом, в порядок, попышнее взбила свои рыжие волосы, металась по палубе, то и дело витас-

кивая на середину кого-нибудь из полярников. Одним словом, чувствовала себя королевой бала. Она и впрямь была хороша в этом облачении. Толик-маркони млел от удовольствия, хотя и старался виду не показывать. По трансляции гремела музыка. Ведро с водой приготовили заранее, обливали по традиции друг друга. Местные феи, накрашившись и принарядившись, явились на праздник в полном составе. Всего на «Академике Смирнове» было их семь: повариха Анна Михайловна, библиотекаря Ася, кастелянша, три дневальные, по-береговому горничные, ну и главная сегодня – юноша Светка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.